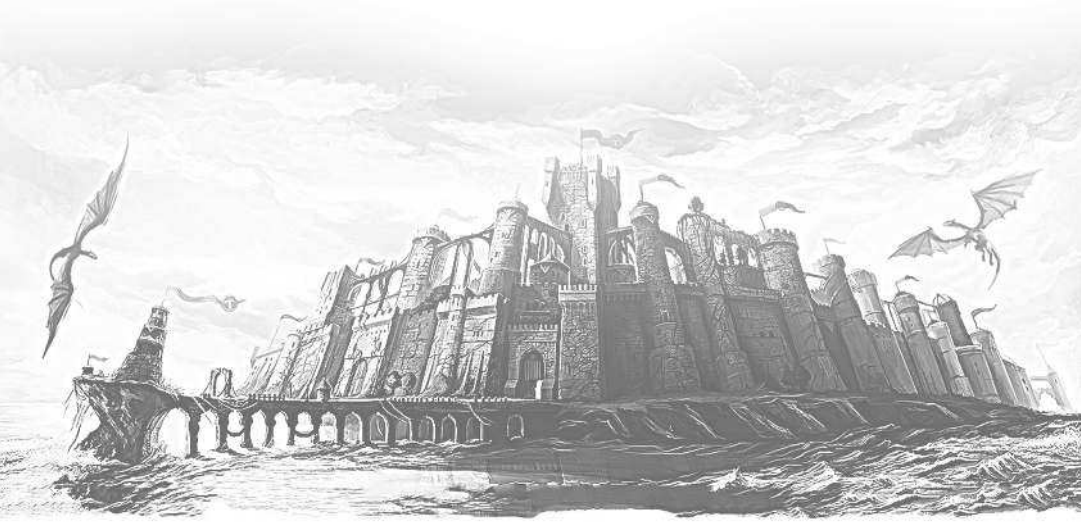
Таня Гроттер



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болтливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Таня Гроттер и колодец Посейдона : [повесть] / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2016. — 416 с. — (Таня Гроттер. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-84552-1

Тибидохс продолжал жить, хотя это уже был не тот Тибидохс. Многим не хватало командных рыков Поклепа и рассеянного взгляда академика Сарданапала. Не хватало Яги, без которой опустел магпункт. Не хватало сочного баса Тарараха и запуков великой Зуби. Вместо рыжеволосой Меди нежитеведение у младших курсов вела теперь Недолеченная Дама... А все потому, что преподаватели исчезли! В высшей школе волшебства не осталось ни одного взрослого мага. Это напрямую связано с колодцем Посейдона. Несколько столетий он накапливал силы в глубинах Тартара, чтобы вновь выплеснуть их. И вот колодец проснулся, и произошла катастрофа. Теперь старшекурсникам предстоит все делать самим. Самим преподавать, самим следить за малышами, самим готовиться к матчу-реваншу с командой невидимок. И самим найти способ спасти учителей Тибидохса из магической ловушки...

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Емец Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-84552-1

Глава 1

ШКОЛА В СКАРЕДО

Шурасик стоял перед зеркалом и, скрестив руки на груди, критически изучал свое отражение. Большая щель между передними зубами, бледное лицо, маленький подбородок, рассыпанные по щекам веснушки, похожие на гречневую шелуху, и дюжина прыщей, предательски пунцовевших на умном выпуклом лбу. Шестнадцать мальчишеских лет во всех своих неутешительных проявлениях. Шурасик так ненавидел свое отражение, что ему хотелось искусать стекло. Или даже разбить, растоптать... Порядок произвольный. Все по алфавиту или единовременно.

«Блин... как не совпадают мое внутреннее самоощущение и то, что я есть на самом деле! Какое-то хамское несоответствие! Измена! Ложь! Гадость!» — с омерзением размышлял Шурасик.

Отражение лупоглазо созерцало оригинал из глубин стеклянной вселенной. Оно явно глумилось, светофорно мигало прыщами и блестело красным носиком с расширенными сальными порами.

— Топало бы ты отсюда, убогое, а?! По-хорошему просят! — срывающимся от ненависти голосом попросил Шурасик и, выпустив искру, подкрепил просьбу коротким заклинанием *«Изыдис»*.

Искра — а это была классическая красная искра черного мага — неумолимо скользнула к стеклу. Оскорбленное отражение с достоинством передернуло узкими плечами, повернулось спиной и, шевеля сутулыми лопатками, зашаркало в зеркальные дали.

Шурасик бессильно погрозил двойнику кулаком и вернулся к столу. Между старомодной чернильницей и исписанным практически в ноль магическим карандашом малютки Клоппика лежала записка. Записку сегодня утром загадочно просунули под дверь. По листу бумаги, наспех выдранному из заурядной тетради, прыгали дразнящие буквы:

О, Марс моих грез, закат моего разума, кошмар здравого смысла! Жду тебя в час ночи у фонтана в парке!!! Дрожу и падаю в обморо... (пуф, упала)!!!!!!

Таинственная поклонница

Шурасик перечитал записку в тринадцатый раз и с сожалением обнаружил, что никаких проясняющих слов не появилось. По-прежнему было не-

понятно, от кого записка и стоит ли ее воспринимать всерьез.

«Существует вероятность, что это чья-то шутка... Но с другой стороны, хм... А вдруг она придет, а я нет? Неловко получится», — утопая в сахарном сиропе мечты, подумал Шурасик. Его склонное к идиллиям неопытное воображение послушно нарисовало стройную девичью фигурку. Вот она приближается, вот черные глаза страстно гипнотизируют его, вот она кладет ему руки на плечи и...

Чья-то рука легла Шурасику на плечо. Отличник завопил. Как все мечтатели, он был разочарован слишком быстрым переходом от желаемого к действительному.

— Ты что, перегрелся? Выключи немедленно звук! — распорядился Жора.

Шурасик послушался. Он уже сообразил, что это Жикин, незаметно вошедший в его комнату. Всего лишь Жикин, которого Шурасик ставил в эволюционной иерархии выше морской свинки, но ниже верблюда.

— Как ты здесь оказался? — спросил Шурасик ледяным голосом. Однако подносить к нему спичку в этот момент не рекомендовалось.

— Э-э... Как еще? Проверенным лопухоидным способом. Через дверь, — сказал Жикин.

— Разве она не была заговорена? — спросил Шурасик и почти сразу вспомнил, что забыл это сделать. — А что, постучать было нельзя?

— Стучать? Фи, как пошло! Стучат стукачи. Умные люди информируют общественность через те-

лефон доверия, после чего тщательно протирают уличный автомат одеколоном! — сказал Жикин, деловито оглядывая комнату.

Записка на столе не укрылась от его многоопытного взгляда.

— Тэк-с. Что у нас там? О, «жду у фонтана... обморок... поклонница!». Не сам написал, нет? Не обижайся, это я так, в порядке общего бреда!.. От кого это?

— Отдай! — потребовал Шурасик. Однако потребовал не слишком решительно. В глубине души он был не прочь получить от Жикина совет.

Жора поднес записку к носу и профессионально, как ищейка, обнюхал ее со всех сторон:

— Блин... Даже по запаху духов не могу определить, кто это! Никогда со мной такого не было... Признавайся, ты занимался в комнате зельеварением? Яд гарпий, пот хмыря, сальные волосы старых гномов?

— Ага. Вчера.

— Вот я и говорю. Если записка чем-то пахла, ты все заглушил своей химической вонью.

— А почерк ты не узнаешь? — с надеждой спросил Шурасик.

— Почерк... м-м... явно подвергнут заклинанию трансформации... Вот смотри: если я здесь за бумагу берусь — он такой, а если тут — то совсем другие буквы. Нет, это не первокурсница, точно. Раньше четвертого курса такие заклинания не проходят... Что там у нас еще? Ошибок нет, запятые на месте. Неважный симптом. Я бы предпочел по две ошибки в каждом слове.

— Почему это?

— Ну, милый мой!.. Сразу видно дилетанта! — всплеснул руками Жикин. — Сильно умные девчонки вечно грузят мозги себе и другим. И восклицательных знаков я бы предпочел поменьше. Много восклицательных знаков — первый признак истерички.

— Ты ничего не понимаешь! — оскорбился за незнакомку Шурасик.

— Да уж конечно. Я ничего не понимаю. Я весь такой наивный, прям из бачка унитаза суп ем! Чок-чок-чок, я у мамы дурачок! — фыркнул Жора.

Он почесал нос, задумчиво пожевал губами и решительно предложил:

— Знаешь что, давай я пойду на свидание вместо тебя. У меня сегодня как раз окно. Я с этой таинственной поклонницей в десять минут разберусь. Я ей устрою закат разума!

Шурасик вспыхнул. «В кои-то веки получить записку — и чтобы на свидание вместо меня отправился этот пошлый индюк и трогал жирными пальцами хрустальный кубок моей мечты!» — патетично возмутился он.

— Только сунься! — сказал Шурасик, сцепив зубы. — Жикин, я тебя предупреждаю! Наткнусь на тебя ночью у фонтана — пожалеешь!

— И что же? По физиономии мне дашь? Ой, боюсь-боюсь-боюсь! Иди купи себе самоучитель, как сжимать кулак! — издевательски посоветовал Жикин.

— Мне кулак не нужен. Так сглажу — до смерти волосы на зубах расти будут! Никакая Ягге не

поможет! — звенящим шепотом сказал Шурасик. По его перстню пробежала темная молния.

Он не угрожал — он сообщал, и неглупый в бытовых вопросах Жора ощутил разницу. Слова Шурасика не были блефом. Все в высшей школе знали, что по части черной магии Шурасик не имеет себе равных. Пару раз в самых сложных случаях с ним консультировался даже сам Поклеп.

— Ладно-ладно, Шурасик! Ради нашей дружбы — все что угодно! — уступил Жикин. — Но с чего ты решил, что записка тебе? Она же не подписана!

— Мне ее принес купидон! — двумя руками вцепившись в свое призрачное счастье, заявил Шурасик.

— То-то и оно, что купидон!.. Пухлые обжоры вечно ошибаются! Для этих пройдох с крылышками мы, маги, все на одно лицо, как эфиопские джинны. Мне вон позавчера, прикинь, доставили розы! Громаднейший букет! Сунул в окно сухофрукт с крылышками, развернулся и улетел, мелодично икая. Небось конфеты были с ликером, раз его так развезло! Я удивился, стал букет исследовать, а там, вообрази, записка. Прикольная такая: «Я тебя забыл, но розы помнят. Г.П.». Я рыдаль! Я умираль от смейха! Розы помнят, ха-ха! Может, еще и корзина помнит?

— Ты всегда читаешь чужие записки? — возмутился Шурасик.

Он понял, что его записка не была исключением.

— Бриллиантовый мой, откуда ж я знал, что она чужая? Если бы на конверте так и было на-

писано «Чужая записка, строго не для Жикина», я б, конечно, воздержался как честный человек. Ну минут пять хотя бы воздержался. А то ведь ни слова! Даже намека не было, что записка Таньке. Может, она Ритке Шито-Крыто или... хе-хе... Зубодерихе! Вообрази себе только: Пуппер и Зубодериха! Роковая парочка!

— С розами-то ты что сделал? — оборвал его Шурасик.

— Розы я своим девочкам раздарил. Девяносто девять роз — и то, вообрази, не всем хватило. Я дико популярен в этом лягушатнике! — сладко потирая руки, сказал Жикин.

— А Таньке ты ничего не сказал? — уточнил Шурасик.

— С какой стати я буду Гроттерше докладывать? Я ей что, «Последние магвости»? Хочешь все знать — купи себе дятла-почтальона или подпишись на «Сплетни и бредни»! — заявил Жикин.

Шурасик поковырял пальцем в раковине правого уха, удаляя из нее остатки ненужных слов. Жикин начинал ему надоедать. Он был какой-то мелкий, без полета. Жору нужно было прописывать в терапевтических дозах в качестве примера жизненной пронырливости при отсутствии способностей — не более того.

— Ты зачем пришел, Жика? Про Пуппера поболтать? — спросил вдруг Шурасик.

Вся глумливость с лица Жоры мигом улетучилась.

— Да ну его, этого Пуппера! — отмахнулся он. — Слышал, что сегодня сказал Сарданапал? Скоро мы все должны будем пройти испытания Феофедула. Что он вообще за птица, этот Феофедул, ты в курсе?

— Не Феофедул, а Теофедулий! Теофедулий, один из учеников Древнира, вошел в историю как составитель универсального магического теста для выпускников высших школ чародейства. По результатам теста определяются магическая квалификация, уровень волшебных способностей и перспективы зачисления в магспирантуру. Это могут быть магспирантуры Тибидохса, Магфорда или любого другого учебного заведения, имеющие сходный магический профиль, — не задумываясь выпалил Шурасик.

Выпалил — и грустно подумал: «Ну что я за кладбище эрудиции? Разве так можно?»

Жикин торопливо придвинулся к Шурасику. В зеркале, которое недавно беспощадно высмеивало тибидохского ботаника, отразился точеный жикинский профиль.

— Слушай, э-э, Шурасик... Я всегда хорошо к тебе относился, был твоим единственным другом...

— Ты был моим другом? М-да... Короче, чего тебе надобно, старче?

— Ты не поможешь мне пройти тест этого идиота Теофедулия? Ответы там напишешь за меня, а?

Шурасик с насмешкой уставился на Жикина:

— Кто-то из нас двоих явно перегрелся! И этот кто-то не я!.. Думаешь, Теофедулий ничего не

предусмотрел против списывания? Он усилил тест заклинанием множественности. Теперь оно имеет восемьсот только непосредственных воплощений, не считая воплощений в Потусторонних Мирах. Столько же воплощений в Аиде и Эдеме. Ну-с, какова вероятность того, что нам с тобой достанется один вариант?

— А вдруг повезет! Я в свою звезду верю, — нерешительно предположил Жикин.

— Допустим. Но все тесты раздаются на одновзглядной бумаге. Ты в курсе, что такое одновзглядная бумага? Для всех, кроме тебя, она будет казаться абсолютно чистой, хоть ты сожги ее с досады. Вопросы проявятся для проверки только после того, как к тесту будет приложен личный перстень Сарданапала. Ну и, разумеется, Зуби на всякий случай натянет десяток страховочных заклинаний. И Поклеп будет шастать между рядами... — перечислил Шурасик.

С удовольствием садиста он наблюдал, как лицо Жикина скукоживается и приобретает клянчащее выражение профессионального нищего. Жикин кинулся к нему и принялся трясти его за майку:

— Шурасик, придумай что-нибудь, я умоляю! Если я не наберу достаточно баллов, мне поставят в аттестате штамп условной магической пригодности. С ним меня ни на одну нормальную работу не возьмут! Только работать сутки через трое в пункте приема кувшинов из-под джиннов. По закону подлости такие пункты устраивают или в пустыне Сахара, или в Антарктиде. Или придется таскать

чемоданы за какой-нибудь дремучей ведьмой, которая едет на Лысую Гору заказывать себе новый парик и самозахлопывающиеся алмазные челюсти! Ну сделай что-нибудь!

Шурасик назидательно воздел палец к потолку:

— Во-первых, убери щупальца! Во-вторых, помочь тебе невозможно. Теофедулий предусмотрел все, что только можно было предусмотреть. Во всяком случае, на тот момент, когда этот тест составлялся.

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Жикин.

— Ну, тесту уже много столетий. Магия с тех пор чуток усовершенствовалась, и если очень хорошо подумать...

— Подумай, Шурасик, прошу тебя!

— Ну что тут можно предпринять? Да ничего... Хотя чисто теоретически заклинание множественности можно перекрыть заклинанием усиления вероятности Кекуса Кровавого, которое он применил в битве магов у Волосатой Реки. Правда, для этого придется узнать, где именно ты будешь сидеть, и нарисовать внизу на столешнице семнадцать взаимосвязанных рун... Одновзглядную бумагу можно провести... э-э... скажем, заблаговременным применением магии второй сущности.

— Второй сущности? — переспросил Жикин.

Шурасик уставился на него с состраданием:

— Что я слышу, Жика? Сдается мне, ты недостаточно внимательно читал труды Ферапонта Элегиуса III, известного также как Азиатский уз-

ник. Разумеется, трудов Ферапонта нет в школьной программе, они крайне занудны даже для меня, существуют в единственном свитке и вообще создавались в седьмом веке, но не знать их непростительно!

— Я их знаю, только мне напрягаться влом! А что он такое накорябал, этот Ферапонт Элегиус?

Шурасик прищелкнул языком:

— Фу, какой ты прозаичный! Ты явно не догоняешь свободное парение моей мысли!.. История жизни Ферапонта крайне поучительна, друг мой Жика... Это был авантюрист, поэт и ученый. Три в одном, как пишут на лысегорских отвертках. В них кроме часов встроен датчик вампиризма, который глючит на вурдалаках и срабатывает на родную бабушку. Ферапонт отправился в Азию изучать секретные маготехники, разозлил бабаев, которые, собственно, и держали их под секретом, был схвачен и провел в темнице сто семьдесят два года, охраняемый пятью глухонемыми неподкупными стражами. Правда, потом оказалось, что вместо Ферапонта все эти годы — ха-ха! — в темнице просидел правитель бабаев султан Максуд. Ферапонт изыскал способ поменяться с ним телами и преспокойно изучал маготехники, находясь в чужом теле и совершая экскурсионные вылазки в султанский гарем. Узнав все, что ему было надо, он освободил свое прежнее тело особо изданным приказом, вновь переселился в него и благополучно скрылся. Позднее он написал труд, тот самый, Жика, тот самый...